

Изменение трактовки философии Хайдеггера в дискурсе советского марксизма

Савин А. Э.,
доктор философских наук,
РАНХиГС при Президенте РФ, философско-социологический факультет,
заведующий кафедрой философии;
Московская школа управления «Сколково», Институт общественных стратегий,
профессор,
savinae2018@gmail.com

Аннотация: В статье раскрывается логика преобразования трактовки философии Хайдеггера в отечественном советском марксизме. Выделяются этапы развития интерпретации хайдеггеровской философии. Демонстрируется, что преобразование интерпретации философии Хайдеггера в СССР осуществляется на фоне вырождения советского марксизма в Советском Союзе. В частности, ослабление радикальности русской критики хайдеггеровской философии и легитимация хайдеггерианских штудий в России определяются этим процессом.

Ключевые слова: Хайдеггер, советский марксизм, интерпретация, Советский Союз, дискурс.

Представляется необходимым дать несколько предварительных разъяснений к принципам реализуемого в работе исследовательского подхода. Прежде всего, под советским марксизмом подразумевается вовсе не философия в Советском Союзе — хорошо известно, что в нем была и немарксистская, и антимарксистская философия, закончившаяся вместе с его распадом и представляющая ныне лишь историографический интерес. Советский марксизм не есть географически или эмпирико-исторически завершенный феномен, очерченный границами СССР или периодом 1924–1991 годов.

Он есть, подобно гуссерлевской «Европе», феномен духовно-исторический. Подобно «духовной Европе», он имеет начало (Ursprung), но является «незавершенным проектом». Началом советского марксизма является ленинизм и событие Октября — при этом не следует забывать, что сам концепт ленинизма вырабатывается в советских дискуссиях 1920–1930 годов, т. е. существенным образом кристаллизуется под воздействием самого события Октября.

Здесь следует сделать две оговорки.

Во-первых, тезис об «исчерпании энергии Октября», выдвинутый руководством Французской коммунистической партии (ФКП) в конце 1980-х, вполне показал свою ничтожность в жалкой судьбе этой претендовавшей на роль авангарда французского освободительного движения партии, в том числе и в судьбе ее теории в последующий

период; все значимое в марксистской мысли Франции отныне происходило в уже не в ФКП и вокруг нее, но вне ее — в операистских, маоистских, троцкистских и ортодоксальных партиях и группах, каковые сохраняли верность событию Октября, сколь бы ни различались их трактовки верности и события, и в их дискуссиях между собой.

Во-вторых, понятие ленинизма вовсе не является сталинистским, как уверяет Жижек¹. Несмотря на то что первое знакомство западных читателей с ленинизмом в концентрированном виде произошло именно благодаря английскому переводу книги Сталина «Основы ленинизма», называвшемуся просто «Leninism» (1928), реальная отечественная дискуссия о сущности ленинизма развертывалась в 1923–1924 годах, и в ней участвовали силы в то время куда более организационно-политически и интеллектуально значимые, чем Сталин, — здесь упомяну лишь руководителя Коминтерна Зиновьева и первого ответственного редактора журнала «Под знаменем марксизма» Тер-Ваганяна. Суть дискуссии заключалась в вопросе, остается ли ленинизм, после предательства революций в Европе 1918–1923 годов традиционными европейскими марксистскими партиями и их вождями с их ревизионистскими и оппортунистическими философско-политическими теориями, все еще марксизмом или характеризуется радикальным разрывом с ним, а потому более марксизмом не является. Сталин ждал исхода полемики, основные позиции и аргументы в которой были сформулированы не им, и потому сам сталинский концепт ленинизма (1924) сохраняет черты выжидательности и двойственности позиции. Строго говоря, генеральную линию трактовки ленинизма как философии революционного марксизма эпохи империализма и пролетарских революций — подразумевая под этим также эпоху краха оппортунизма и его философии внутри самого марксизма, — предначертавшую дальнейшее развитие ленинизма, задал вовсе не Сталин, а Тер-Ваганян еще в 1923 году.

Нет сомнений в том, что советский марксизм как философия существовал и вне Советского Союза — свидетельством чего являются, например, работы крупных восточно-германских, венгерских и польских мыслителей (назову только Иррилица, зрелого и позднего Лукача, зрелого Симека) — и продолжает существовать после его распада. Конечно, после закрытия Института Маркса-Энгельса-Ленина в Москве, архива Лукача в Будапеште и прекращения явочным порядком ортодоксальных марксистских разработок в Академиях наук и университетах Центральной и Восточной Европы — это существование в новых исторических условиях и иных формах.

Некогда было высказано положение, что Советский Союз не исчез — он существует и будет существовать до тех пор, пока жив и продолжает сражаться хотя бы один представитель советского народа. Полагаю, что тем же способом, что и советский народ, существует и будет существовать советский марксизм — до тех пор, пока его философские принципы в полемике с другими философиями отстаивает и развивает хотя бы один мыслитель — неважно, немец он, японец или бразилец.

Советский марксизм как концепт противостоит не только всей буржуазной философии, но и западному марксизму, и одной из форм его бытия — или инобытия — в новых условиях является то обстоятельство, что ни один доклад или статья представителей западного марксизма не обходится без явной или скрытой полемики с марксизмом советским. Нет сомнений, что советский марксизм обладает дискурсивным единством, позволяющим позиционировать себя в философских дискуссиях.

¹ Zizek S. Georg Lukacs as the Philosopher of Leninism. In: Lukacs G. A Defence of «History and Class Consciousness». Tailism and the Dialectic. L.: Verso, 2000. P. 151–182.

Его основоположениями в ортодоксальной ленинистской форме являются:

1) базирующийся на тезисе об абсолютной нечеловечности природы (absolute Unmenschlichkeit der Natur) материализм;

2) трактовка познания как отражения бытия в сознании и практики (преобразования бытия) как отражения общественного сознания в общественном бытии на основе положения «идеи (Theorie) становятся материальной силой, когда они овладевают массами» из статьи «К критике гегелевской философии права» Маркса (1844)²;

3) деструкция дисциплинарного деления наук и самих общественных институтов на основе ленинского тезиса о единстве диалектики, логики и теории познания, т. е. трактовка этого деления наук и характера институтов как условного и производного от исторического движения самого бытия;

4) историчность как ниспровергающий отклик (Widerruf) на определяемое традицией наличное существование, ее снятие (Aufheben), где необходимость революционного преобразования продиктована самими условиями существования и тенденциями их развития.

Итак, после разъяснений касательно советского марксизма и его дискурса вернемся к вопросу о развитии его трактовки философии Хайдеггера. Цель работы заключается в раскрытии логики и периодизации осмысления хайдеггеровской мысли в рамках той специфической формы советского марксизма, которую он приобрел в Советском Союзе.

Можно выделить три основных этапа в советской рецепции и критике хайдеггеровской философии.

На первом этапе эта рецепция базируется на последовательно проводимой философии натуралистически (т. е. сталинистски) истолкованного ленинизма. Основоположения этого этапа задаются Б. Э. Быховским в его работе «Фельдфебели в Вольтерах (фашизм и философия)» (1943). Он верно схватывает отличительную особенность философии Хайдеггера — определяющую функцию фундаментальных настроений (Grundstimmungen), каковые, согласно немецкому мыслителю, определяют способ бытия Dasein как сущности человека, а следовательно, и характер отношения человека к природе, другим людям, самому себе и даже богам. Современные историки феноменологии придерживаются той же позиции. В частности, один из крупнейших современных феноменологов Клаус Хельд прямо определяет философию Хайдеггера как феноменологию настроений.

Для марксистов периода натуралистически истолкованного ленинизма, однако, настроения являются не фундаментально-онтологическими, а социально-психологическими феноменами, т. е. проявлениями прямого столкновения с бытием в общественном сознании, т. е. преломлением целостного опыта, приобретаемого посредством практики (труда или политики как практики «овладения действительностью посредством идей»), современного человечества или народа через призму условий существования класса в сознании класса определенной эпохи или даже в сознании поколения этого класса.

В этой связи описываемые Хайдеггером настроения — скука, страх — и хайдеггеровская характеристика способа человеческого бытия как «бытия к смерти», манифестирующая себя, как известно в свете этих настроений, описываются Быховским как проявления исторической обреченности самых реакционных кругов все еще сохраняющей власть буржуазии империалистической эпохи в ее классовом сознании — трудах ее

² Marx K. Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie // Deutsch-Franzoesische Jahrbuecher. Hrsg. v. F. Ruge u. K. Marx. Leipzig: Reclam, 1973. S. 171.

академических, т. е. официально живущих на кошт нацистского государства, философов. Более того, в хайдеггеровской философии в таких концептах, как «миг» (Augenblick) и «решимость», проявляет себя и обратная сторона исторической обреченности буржуазии империалистического периода — вытекающий из ее отчаяния волюнтаризм и авантюризм.

Таким образом Быховский формирует целостное ортодоксально-марксистское, хотя и искаженное натурализмом, представление о философии Хайдеггера. Лейтмотивом хайдеггеровской мысли, согласно Быховскому, является страх, который вытекает из «заброшенности» Dasein и враждебной противопоставленности бытия и существования (Existenz). Тезис о противопоставленности совершенно справедлив ввиду «онто-онтологической дифференции» и запрета на переход от логики сущего к «логике» бытия, поскольку бытие (Sein) дано сущему всегда в модусе ускользания, и потому всегда остается темным. В противоположность марксизму, для которого бытие всегда дано через его проявленность в сущем, т. е. посредством науки и политики, у Хайдеггера «наука не мыслит», а политика, да и вся сфера общественного бытия (Offentlichkeit) в целом, в которой и ведется политическая борьба, по меньшей мере в «Бытии и времени», является областью неподлинного и отнесена к феномену человека массы (das Man).

Хайдеггеровский «страх», согласно Быховскому, имеет два аспекта. С одной стороны, он выражает психологический террор как характерный для нацистов метод господства, с другой — манифестирует страх нацистских господ перед будущим. «Экзистенциализм является «философией», основанной на чувстве страха и на методе устрашения»³. Заключение слова «философия» в кавычки здесь неслучайно, т. к. при такой логике осмысления мысли Хайдеггера она предстает, скорее, как психология и даже как «психопатология «нечистой совести»»⁴.

Примечательно, что Быховский, будучи последовательным марксистом, сознательно нарушает запрет на переход от логики бытия к логике сущего и показывает, что хайдеггеровская онтологическая позиция в плане сущего в политическом аспекте проявляет себя в шмиттовском децизионизме и трактовке политического как отношений друга и врага, ориентированных на умерщвление. Таким образом, для Быховского нацистское государство с верховенством воли фюрера (Fuehrerprinzip) и человеконенавистническая политическая теория Шмитта являются истиной хайдеггеровской философии. В этой связи он — и вновь вполне последовательно — видит в философии Хайдеггера наглядное выражение сущности фашизма и потому характеризует его, перефразируя Ленина, как «дипломированного лакея германского фашизма»⁵.

Второй этап в развитии советской рецепции философии Хайдеггера образует ее осмысление Георгом Лукачем в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Для него Хайдеггер является не фашистским, а предфашистским (praefaschistische) мыслителем. Решающим здесь для Лукача и основанием его неявной полемики с Быховским, с которым он был хорошо знаком по совместной работе над ранними рукописями Маркса в Институте Маркса-Энгельса в Москве, является то обстоятельство, что Хайдеггер, несмотря на свою политическую фашизацию, в области теории не переходит границу онтологического и сознательно удерживает «метод» формального указания и идею априористического перфекта или, после поворота, «утра бытия». (Этот аспект философии Хайдеггера постоянно подчеркивает в своих апологетических сочинениях В. В. Библихин.) Поэтому неявный тезис

³ М. Хайдеггер: pro et contra, антология. — СПб.: РХГА, 2020. — С. 134.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ Там же. С. 133.

Быховского, что истина философии Хайдеггера есть нацистское государство, с точки зрения Лукача является избыточным. Однако и согласно Лукачу, мысль Хайдеггера вносит свой вклад в создание и поддержание атмосферы страха и бездомности и тем самым в фашизацию немецкого общества 1920–30-х годов, поскольку выдает логику этого страха и этой бездомности за фундамент всякой иной логики и деятельности и делает ее интеллектуально и академически респектабельной.

Концептуальную генеалогию хайдеггерианства Лукач в работах 1946–1953 годов эксплицирует следующим образом. В целом философия Хайдеггера относится к «философии третьего пути», притязающей на преодоление противоположности материализма и идеализма, но на деле являющейся новой, более или менее завуалированной, формой идеализма. (Образцом такой философии для Лукача является эмпириокритицизм, а образцом марксистского отношения к ней — его критика Лениным.) Современной формой философии «третьего пути» в целом является философия жизни. Она возникает после открытых классовых столкновений буржуазии и пролетариата 1848 и 1871 годов, когда буржуазия из страха перед пролетарской революцией отказывается от дальнейшего разрушения остатков феодализма, т. е. абсолютистской государственной машины (старой бюрократии) и церкви, вступает в союз с ними и тем самым для удержания власти избирает стратегию опоры на консервативные и реакционные элементы. В теоретической плоскости этот поворот от союзничества с пролетариатом к союзничеству с силами «старого порядка» выражает себя в критике Просвещения и особенно идеи прогресса, в растущем по экспоненте иррационализме⁶.

В эпоху империализма, т. е. загнивающего и умирающего капитализма, философия жизни становится выражением чувств мещан (Philister) в период кризиса и претерпевает качественные изменения. Лукач пишет в этой связи следующее: «В то время как более ранняя философия жизни главным образом отказывалась принимать «мертвые образования» общественного бытия и противопоставляла им жизненность целостной (totalen) субъективности как инструмент завоевания «жизни», теперь возникает разрыв в сердцевине самого субъекта; в то время как раньше — в духе возникающей здесь с необходимостью аристократической теории познания — люди в известном отношении делятся на два класса, на класс проживающих жизнь (das Leben lebenden) и на класс оторванных от жизни, теперь жизнь любого, жизнь вообще рассматривается как находящаяся в опасности. И эта опасность выражается именно в чувстве становления несущественным (Unwesentlichwerdens), в чувстве подпадания (Verfallens) под власть неживого. Эмфатическое подчеркивание экзистенции вместо жизни, даже в противоположность жизни, выражает именно страх (Angst) перед этим становлением жизни в общем несущественной, посредством эмфатического подчеркивания экзистенции ищут то ядро, то подлинное субъективности, которое еще надеются и стремятся спасти от этой грозящей общей порчи. Пафос нового направления, следовательно, выражает страстное желание спасения голой экзистенции от распада мира, в этом это фундаментальное настроение сходно с фундаментальным настроением Киркегора»⁷.

Наконец, последний этап советской рецепции Хайдеггера начинается с периода «оттепели» и ведется главным образом с позиций ее философии и ее представителями до самого распада СССР. Эту философию один из наиболее крупных и самосознающих представителей философии «оттепели» Э. Ю. Соловьев в одном из сравнительно недавних докладов удачно охарактеризовал как «поднадзорный советский неомарксизм».

⁶ Lukacs G. Zerstoerung der Vernunft. Bd. 2. Irrationalismus und Imperialismus. Darmstadt: Luchterhand, 1974. S. 89.

⁷ Там же. S. 168.

Из этой перспективы П. П. Гайденко в 1963 году, например, указывает, что перед лицом кризиса буржуазной культуры и кризиса человеческой личности буржуазной эпохи философия Хайдеггера как попытка осмысления и разрешения проблем капиталистического общества сама эволюционирует и при этом запутывается в собственных противоречиях. В частности, по ее мнению, одной из центральных проблем философии Хайдеггера является проблема «творчества как ядра личности и подлинной основы человеческой культуры»⁸, в негативной форме — проблема преодоления *das Man*, безликого человека массы и эпохи масс. В этой формулировке П. П. Гайденко невозможно не увидеть следы осмысления ранне-марксовской концепции «родовой сущности (*Gattungswesen*) человека», являвшейся отправным пунктом «гуманистической» версии неомарксизма, что в ее «поднадзорном» советском, что в ее «неподнадзорном» западном вариантах. Именно в движении хайдеггеровского осмысления этой проблемы П. П. Гайденко видит исток трансформации хайдеггеровской мысли — переход в ходе разработки неметафизического метода мышления «от гносеологических вопросов к рассмотрению ... сущности культуры и человеческой истории»⁹. Обозначение здесь хайдеггеровских вопросов как гносеологических, кажущееся современному читателю странным после стольких лет обсуждения преодоления феноменологией вообще и хайдеггерианской феноменологией в частности теоретико-познавательной постановки вопроса, следует понимать из перспективы энгельсовско-ленинской трактовки теории познания. Согласно П. П. Гайденко эта хайдеггеровская попытка диагностики и терапии буржуазного общества терпит крах ввиду иррационалистического и релятивистского понимания Хайдеггером субъекта и истины и внутренних противоречий, которые оно вызывает.

Наконец, упомянутый выше Э. Ю. Соловьев, работа которого «Судьбическая историософия М. Хайдеггера» (1991) знаменует завершение приключений и злключения советской марксистской рецепции хайдеггеровской мысли вообще и рецепции ее «поднадзорным советским неомарксизмом» в частности, рассматривает хайдеггеровскую феноменологическую критику объективного времени и идеи прогресса как разновидность субъективизма и как попытку выстраивания на его основе нового иррационалистического историзма. Развертывающаяся параллельно с ними хайдеггеровская критика оснований рационалистического характера европейской цивилизации и буржуазного историзма оценивается как *Kulturkritik* и *Zeitdiagnose*.

«Хайдеггер принадлежит к числу мыслителей, остро ощутивших иррациональный и фетишистский характер позднекапиталистического восприятия времени. С феноменологической пронизательностью он зафиксировал в своей книге [«Бытие и времени». — А. С.] многообразные проявления этого восприятия... Вся книга Хайдеггера представляет собой философскую реакцию на «темпоральный фетишизм»; страстный и осмысленный протест против вульгаризированных (по мнению Хайдеггера, спонтанно-вульгаризирующихся) идей классического буржуазного историзма; против подвижнической устремленности в будущее, деградировавшей до трусливого бегства от «неподлинной современности»¹⁰. И далее эта хайдеггеровская критика эпохи определяется, оценивается и критикуется в терминах самого же хайдеггеровского диагноза времени, который и критикуется. «Субъект «Бытия и времени» — это человек, играющий в Реформацию, в эпоху, когда Бог умер [бездомность (*Unheimlichkeit*) есть для Хайдеггера основная характеристика современной эпохи господства метафизики и особенно периода ее конца;

⁸ М. Хайдеггер: *pro et contra*, антология. СПб.: РХГА, 2020. С. 145.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 318–320.

мысль о бесприютности человека является сквозной от ранних работ до периода бытийно-исторического мышления. — А. С.]... Герой «Бытия и времени» уединенно един лишь со своим «подлинным можествованием» и противостоит самой нравственности как конформности века. Именно отрешение от нравственности во имя секулярного немецко-романтического призрака Божественного призвания (моего задатка и дара, моей способности или просто психологической особенности) — таков итоговый и интегральный пафос всего учения об «историчности здесь-бытия»¹¹. Рефлексивность, пронизательность и чувствительность к духу времени в этом рассуждении несомненны, но нет ли здесь логического нарушения *petitio principii* и даже *idem per idem*?

Итак, определение философии Хайдеггера как критики культуры и диагностики времени и становится последним словом выродившегося в «подцензурный неомарксизм» советского марксизма в СССР. То, что сами критика культуры справа и реакционная диагностика времени на путеводной нити времени являются симптомами времени, оставляется без внимания.

Впоследствии «гуманистический марксизм» периода оттепели вырождается в обычный буржуазный гуманизм, базирующийся на общечеловеческих ценностях и идее господства права и правового государства; вспомним здесь симптоматичный горбачевский «Опыт словаря нового мышления» (1989), знаменующий последний акт теоретического вырождения официальной идеологии в СССР и превращение ее в свою противоположность. Буржуазный гуманизм «забывает» — таково уж основное свойство буржуазного классового сознания, а следовательно, и выработанной им постсоветской культуры, ведь господствующая культура есть культура господствующего класса — не только указание «неподнадзорного» западного неомарксиста Франца Ноймана в его «Бегемоте» (1942) на то, что государство и его ядро — право и правовое равенство — есть инструмент сокрытия и поддержания классового неравенства, но и сделанное еще в XVIII веке прямое утверждение Руссо, автора концепции суверенитета, легшей в основу самого буржуазного государства, что обращение к продиктованному «общей волей народа» государственному суверенитету для обеспечения только правового, но не имущественного равенства является уловкой богатых с целью «поддержания богатства богатых и бедности бедных». Но бывшим советским философам — «гуманистическим» марксистам было не до «слепых пятен» в их собственном способе мышления, они «вместе со всей страной» «возвращались на столбовую дорожку мировой цивилизации», т. е. занимались обеспечением и легитимацией своего места под новым небом. Таким образом, постсоветская Россия проделывает за несколько лет тот же путь, что ранее Запад, но за десятилетия — буржуазная культура и буржуазная мысль на этапе империализма под громогласные клятвы верности демократии и под лозунгом демократических преобразований отказываются от собственных демократических традиций. Критика философии Хайдеггера из перспективы буржуазного гуманизма как антидемократической философии оказалась столь беспомощной и беззубой, что была справедливо, квалифицированно и вдребезги разбита опиравшимся в первую очередь на хайдеггеровское «Письмо о гуманизме» В. В. Библихиным. Но постсоветская рецепция Хайдеггера — это уже другая история.

Резюмируем.

1. Советская марксистская рецепция и критика философии Хайдеггера развивается в три этапа. Хайдеггер последовательно трактуется как:

¹¹ М. Хайдеггер: *pro et contra*, антология. — СПб.: РХГА, 2020. — С. 328.

а) «дипломированный лакей германского фашизма» — сталинистским натуралистическим ленинизмом на основании положения, что истиной хайдеггерианства является нацистское государство и его политическая теория;

б) «предфашистский мыслитель» — крипто-гегельянским марксизмом Лукача «сталинистского» периода, т. е. периода, характеризующегося попыткой растворения ленинского тезиса об абсолютной нечеловечности природы в понятии тотальности в отличие от более раннего открыто-гегельянски-марксистского периода, характеризующегося отрицанием этого тезиса, на основании реактивации положения о запрете в хайдеггеровской философии на впадение в онтическое;

в) «талантливый критик культуры и диагност времени» — «поднадзорным советским неомарксизмом» на основании принципов «гуманистического марксизма» и его трактовки историчности; эта трактовка легитимирует отечественное хайдеггероведение безотносительно к критике буржуазной философии.

2. Линия развития концептуализации философии Хайдеггера советским марксизмом в СССР является поэтапной дерадикализацией ее критики.

3. Она отражает ступени вырождения советского марксизма в СССР, его постепенного отказа от ленинского принципа абсолютной нечеловечности природы и превращения марксистского материализма в коррелятивизм.

4. Основным недостатком движения концептуализации хайдеггеровской философии советским марксизмом является ложная социально-психологическая, а не онтологическая (или, говоря на ленинском языке и в свете «основного вопроса философии», не теоретико-познавательная) трактовка настроений на всем периоде советской марксистской интерпретации.

5. Преодоление этого недостатка в концептуализации и критике философии Хайдеггера в советском марксизме возможно только через возвращение к ленинизму с его основоположением *absolute Unmenschlichkeit der Natur* и вытекающей из него диалектикой абсолютной и относительной истины.

6. Это преодоление становится осуществимым не только посредством представленной выше в общих чертах деструкции рецепции и критики хайдеггерианства советским марксизмом в СССР, но, что еще более важно, посредством возобновления усилия Б. Э. Быховского, но при условии «денатурализации» его концепции. Между тем следует констатировать, что его сталинистская трактовка философии Хайдеггера, пусть и ошибочная, несравненно ближе к ее марксистскому пониманию и к истине хайдеггеровской мысли, чем последующие ее интерпретации у Лукача и в «поднадзорном советском неомарксизме».

7. Не социально-психологическая, а онтологическая трактовка настроений (*Stimmungen*) и расположенности (*Befindlichkeit*) напрямую вытекает из марксистского положения об абсолютной нечеловечности природы в качестве трактовки способа данности нечеловечности бытия в модусе его ускользания и вместе с тем власти бытия над сущностью человека и самим человеком, проявленности бытия в форме этой власти. Только указанная ленинистская трактовка настроений может вернуть марксизм в плоскость интерпретации и критики хайдеггерианства, соразмерную с масштабом хайдеггеровской мысли и его осмысления бытия (*Sein*), и на деле реализовать превосходство марксизма над хайдеггерианством и его современными изводами. Этот путь лежит через

материалистически-феноменологическую реактивацию анализа и интерпретации настроений (как проявления мира-в-целом и его тенденций) в работах самого Ленина.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18–011–00753 А «Рецепция и трансформация идей Мартина Хайдеггера в русской философской мысли».

Литература

М. Хайдеггер: pro et contra, антология / Науч. ред. Ю. М. Романенко; вступ. статья Ю. М. Романенко, С. А. Коначева, А. Б. Паткуль, А. Э. Савин, А. В. Михайловский, Н. А. Артеменко. — 2-е изд. — СПб.: РХГА, 2020. — 1152 с.

Lukacs G. Zerstoerung der Vernunft. Bd. 2. Irrationalismus und Imperialismus. Darmstadt: Luchterhand, 1974.

Marx K. Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie // Deutsch-Franzoesische Jahrbuecher. Hrsg. v. F. Ruge u. K. Marx. Leipzig: Reclam, 1973.

Zizek S. Georg Lukacs as the Philosopher of Leninism. In: Lukacs G. A Defence of «History and Class Consciousness». Tailism and the Dialectic. L.: Verso, 2000. Pp. 151–182.

Reference

M. Heidegger: pro et contra, Antology / ed. by Yu. M. Romanenko. St. Petersburg: RHGA Publ., 2020. 1152 p. (In Russian)

Lukacs G. Zerstoerung der Vernunft. Bd. 2. Irrationalismus und Imperialismus. Darmstadt: Luchterhand, 1974.

Marx K. Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie // Deutsch-Franzoesische Jahrbuecher. Hrsg. v. F. Ruge u. K. Marx. Leipzig: Reclam, 1973.

Zizek S. Georg Lukacs as the Philosopher of Leninism. In: Lukacs G. A Defence of «History and Class Consciousness». Tailism and the Dialectic. L.: Verso, 2000. Pp. 151–182.

Changing the interpretation of Heidegger's philosophy in the discourse of Soviet Marxism

Savin A. E.,

DSc, Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Faculty of Philosophy and Sociology, Head of the Philosophy Department;
Moscow School of Management "Skolkovo", Institute for Public Policy, Professor
savinae2018@gmail.com

Abstract: The talk reveals the transformation logic of Heidegger's philosophy interpretation in the domestic Soviet Marxism. The stages of development of Heidegger's philosophy interpretation are highlighted. The talk demonstrates that the transformation of Heidegger's philosophy interpretation in the Soviet Union takes place against the background of the degeneration of Soviet Marxism in the USSR. In particular, this process determines the weakening of the radicalism of the Russian criticism of Heidegger's philosophy and the legitimization of Heideggerian studies in Russia.

Keywords: Heidegger, Soviet Marxism, interpretation, Soviet Union, discourse.

The article has been prepared with the financial support from The Russian Foundation for Basic Research, grant № 18-011-00753 A.